

Маша Лаппо

Сплошная среда

ЛОГВИНА У

Вильнюс 2014

Несколько текстов, которые хотели быть стихотворениями,
но не удержались и стали рассказами.

ISBN 978-609-8147-18-6

© Лаппо М., 2014
© Logvino Literatūros namai, 2014

Дорогие радиослушатели

Пусть ходят по Парижу мусульманки и прячут свои лица под паранджой — а нам не нужно упрятывать себя в паранджу, потому что у нас есть чудесные вместительные картофельные мешки, которые чрезвычайно удобно носить на голове.

И если паранджа не делает своих владельцев ничуть счастливее, то наши мешки приносят счастье всем без исключения своим обладателям, и не только потому, что это культовый модный тренд, и не только потому, что для приобретения любой модели картофельного мешка вам не придётся потратить ни одного рубля (ведь картофельный мешок есть в каждом доме), а в первую очередь потому, что картофельный мешок куда лучше паранджи — ведь паранджа оставляет незащищёнными глаза, через которые внутрь может попасть что угодно, скатиться прямо в сердце и встревожить его так, что оно будет падать, будто 11 сентября с высоты нью-йоркского небоскрёба, а потом снова возноситься на высоту 86-ти этажей — и снова падать, а потом снова возноситься — и так, пока не доведёт вас до сердечного приступа.

Но если ваша голова будет в картофельном мешке, то ни через глаза, ни через уши, ни через какие другие отверстия в голове ничто не попадёт в ваше сердце, вы обретёте наконец счастье, гармонию, покой и всё вокруг станет на свои места, всё — будет на своих местах.

Толпа намусорит — дворники выметут улицу, кто-то выбросится из окна — приедет скорая, в киоск привезут свежие газеты — выстроится очередь, выпадет снег — начнут работу снегоочистительные машины, нарушится закон — автозаки повезут в тюрьмы правонарушителей.

И жизнь будет незаметно развиваться, свиваться-развиваться спиралями: деревья будут виться в небо руками веток, цветы на подоконниках стеблями виться в небо, стремясь выдавить оконное стекло, волосы — виться кудрями на головах, дым — колечками из трубок.

Экономисты будут считать деньги, политики будут душить друг друга во имя светлого будущего, парикмахерши остригут тонны волос, адвокаты защитят тысячи обвиняемых, священники будут молиться в храмах, машинисты пустят по рельсам сотни поездов, портные сошьют миллионы новых костюмов, булочники продадут триллионы килограммов хлеба, композиторы сочинят тысячи песен, предатели будут предавать, друзья — дружить, любовники — любить, а радиостанция «Галасы будучыні» — вещать из радиоприёмника о том, что всё находится на своих местах и потому самое важное для каждого из нас — знать своё место.

А если ваша голова окажется вне картофельного мешка, например, в парандже, то всё перевернётся с ног на голову и пойдёт шиворот-навыворот: экономист будет пялиться на дворника и до того допялится, что и сам захочет стать двор-

ником, а дворник начнёт пялиться на менеджера и дойдёт до того, что, чего доброго, сам захочет стать менеджером, вследствие чего могут начаться беспрерывный аврал и анархия.

В общем, паранджа из-за своей излишней открытости невероятно опасна, поэтому парижане не любят мусульман, которые до того доглазелись на Париж, что начали его заполнять, а белорусов — любят, потому что их парижане никогда не видели в лицо из-за картофельных мешков на их головах.

Вот Нина, приехавшая в Гомель из Калинковичей, носит картофельный мешок и находит это необычайно удобным, потому что так причёска, на которую уходит половина Нининой зарплаты, не портится ни от дождя, ни от ветра, и маникюр Нины не портится, и водостойкая тушь, *made in France*, не растекается под струями воды, вылетающими из-под колёс автомобилей. Конечно, окружающие ничего не знают об этих преимуществах, но зато Нина внутри мешка чувствует себя комфортно и безопасно, ничто её не тревожит и всё у Нины — на своих местах.

И Антон, приехавший в Гомель из Калинковичей, носит картофельный мешок, потому что внутри него он защищен от давления тех, кто заставляет окружающих есть мясо и украшает гомельские магазины фотографиями сырых свиных окороков, и тех, кто запрещает окружающим есть мясо и открывает в Гомеле кафе, в которых нет ничего, кроме сока в экологических биоразлагающих

ся стаканах и протеиновых пирожных размером со спичечный коробок.

Правда, жизнь так непредсказуема, что в ней может внезапно произойти всякое, и вот Нина, которая благополучно жила в своём картофельном мешке, пошла в магазин за новой тушью, а Антон, который тоже был вполне себе счастлив в своём картофельном мешке, пошёл в магазин за пивом, и вот они, каждый направляясь к своей цели и не видя ничего не своём пути, врезались друг в друга, зацепились своими картофельными мешками и

упали на землю так, что

мешки с них тоже упали,

и Нина с Антоном увидели друг друга, и тут же сердца их упали вниз с высоты 86-ти этажей нью-йоркских небоскрёбов, а потом снова поднялись вверх,

и снова упали,

и чтобы хоть как-то это прекратить, Нина и Антон схватили свои мешки, сшили их в один, и оба нырнули внутрь.

Но едва они оказались вдвоём в одном картофельном мешке, как их тут же стало трое, потому при сложении Нины с Антоном получается Антонина, вот такая жизненная арифметика.

Конечно, Антона и Нину прибавление реальной единицы внутри их мешка повергло в шок, выбило из колеи и подставило к разбитому корыту, но так как вне картофельного мешка всё по-прежнему осталось на своих местах, то Нине

и Антону не пришлось ничего изобретать — няни принялись нянчить Антонину, парикмахеры — стричь, учителя — учить, портнихи — шить платья, бассейн-инструкторы — учить бассейн-инструкциям, а радиостанция «Галасы будучыні» просвещать в области культурных и погодных изменений.

Правда, Антонина росла не по дням, а по часам, наступило время, когда всем троим стало внутри одного картофельного мешка решительно тесно, и тогда Антон с Ниной поняли, что пора уже от Антонины как-то избавляться, и принялись высматривать мужчин, в чьих картофельных мешках водились хоть какие-нибудь деньги, чтобы продать кому-нибудь из них Антонину.

Но Антонина, услышав перешёптывания Антона и Нины и поймав в своё карманное зеркальце их косые взгляды, не стала дожидаться, пока ее кому-нибудь продадут, а сама выскочила из мешка.

— Я свободна! — закричала Антонина, почувствовав себя шивой с миллионом рук, ног и глаз. — Я свободна! Я могу всё слышать и всё видеть!

Но услышала и увидела она только одного поэта, который на подпитии читал на площади стихи воображаемому народу, и одного революционера, который стоял с плакатом, бунтуя против воображаемых властей, — но ни народа, ни самих властей Антонина нигде не увидела, хоть по телевизору видела только власть и народ, а поэтов и революционеров не видела никогда.

— Я свободна! Я свободна! — закричала Антонина и побежала, а чтобы не быть голословной, в подтверждение своей свободы забивала на своём пути все возможные косяки, прикладывалась ко всем бутылочным горлышкам и продавалась ни за какую ни за жилплощадь, а за шоколадку «Алёнка» и бутылку полусладкого белорусского вина «Осенняя соната».

Так Антонина добежала до наркодиспансера, где ей надели на голову новый спасительный картофельный мешок — так она заполучила собственный мешок, а Антон и Нина избавились от Антонины и снова остались вдвоём.

Но пустоты, которые образовались после ухода Антонины, до такой степени увеличили расстояние между Антоном и Ниной, что они стали отдаляться, отдаляться, пока совершенно не потеряли друг друга из виду.

— Антон! — как-то сказала Нина в пустоту картофельного мешка, потому что Антона она уже не видела, а видела только чужую маячившую где-то вдалеке фигуру. — Мне кажется, наш мешок слишком разносился. Может, нам пора вылезти и отправиться за Антониной?

— Ещё чего! — рявкнул Антон, — Поедем в Калинковичи, там в моём подвале полно пустых, совершенно отличных картофельных мешков всех существующих размеров!

И они отправились из Гомеля в Калинковичи, где действительно отыскали уютный картофельный мешок, в котором всё стало на свои места.

Герань стояла на своём месте — на подоконнике, велосипед «Аист» стоял на своём месте — в разобранном виде возле крыльца, завтрак был на своём месте — в 8.00 и обед на своём месте — в 13.00, а самое главное — радиоприёмник с вещающими «Галасамі будучыні» — верхом на холодильнике «Минск-Атлант». Нина была на своём месте — стряпала блины, вязала Антону шарфы и читала томик Ахматовой с одухотворённым выражением лица, и Антон был на своём месте — с удочкой на озере или в полулежачем положении под «Москвичом» с не менее одухотворённым выражением лица, чем у читающей Нины.

Так прошло неизвестно сколько лет, и неизвестно сколько лет спустя Нина, стряпая блины, слушала приёмник, а Антон сидел рядом и курил трубку — и всё было на своих местах.

— Добры дзень, паважаныя сябры! Як заўсёды, мы перадаём вам самыя важныя навіны з усіх куткоў Беларусі і ўсяго свету. Сёння ў нашым эфіры чарговая заяўка ад нашых слухачоў. Дзяўчына з чароўным імем Антаніна, на жаль, знаходзіцца па-за межамі нашае краіны і вельмі сумуе па родных краявідах і па сваіх бацьках. Антаніна, калі ласка!

Тут Антон так сильно затянулся трубкой, что, когда выпустил из своих лёгких дым, он окутал их с Ниной плотным газовым облаком, как самых крутейших звёзд «Дожинок» и «Славянского базара», и в этом облаке Антон не увидел, как Нина старательно месит тесто — так, что оно сразу

превращается в цемент и Нина до крови избивает о него костяшки своих пальцев.

— *Здравствуйте, дорогие радиослушатели! Меня зовут Антонина. Сейчас я в Париже, работаю медсестрой скорой помощи, и сегодня я откачивала одну мусульманку, из-за жары у неё случился сердечный приступ, но это неправда, с ней случился сердечный приступ потому, что она носила паранджу, а ведь паранджа — это совсем ненадёжно, потому что она оставляет неприкрытыми глаза, через которые в вас может попасть какой угодно мусор, упасть прямо в ваше сердце и довести до сердечного приступа. Так вот мой вам совет — лучше носите на голове картофельный мешок, тогда ваши сердца останутся целы и невредимы и ничто не будет их тревожить и не доведёт до сердечного приступа! И ещё я хочу передать привет в Калинковичи моим родителям, которые с детства учили меня этой бесценной истине и к которым я никогда не прислушалась — поэтому сейчас нас разделяют неизвестно сколько лет и четыре тысячи километров.*

И вот после этих слов Нина уронила голову на руки и заплакала, и заплакала так горько, что от сырости их с Антоном картофельный мешок едва не расползся по швам;

так на следующий день Антону пришлось выбросить радиоприёмник на помойку, потому что всё должно быть на своих местах, а этому старому, уже совершенно ненужному приёмнику на помойке — самое место.

Война

Осенью 2012 года в самом нижнем клапане сердца Европы — в микрорайоне «Чижовка-б» — между двумя партиями одного государства развернулась холодная гражданская война.

Левая радикальная партия называлась — Отец.

Правая умеренная партия называлась — Мать.

Несмотря на свои идеологические установки, обе партии выражали склонность к анархии и острое нежелание идти на компромисс.

Партия Отец практиковала облагораживание физическим трудом в дневное время суток и гедонизм — в ночное: днём отец раскачивался на ветру, монтируя раскрасневшимися от холода пальцами кабели на вышках МТС, а вечером, изрешеченный стеклянным сентябрьским дождём, согревался водкой в пьяной толпе дешёвого чижовского бара «Pinocchio Pizza», потому что дома мать согреть его не могла.

Партия Мать практиковала дзэн и обладала склонностью к нарколепсии, ночью она лежала на своём матрасе, смотрела японские фильмы и жгла ароматические палочки, потому что никак не могла уснуть, а днём она лежала на своём матрасе, смотрела японские фильмы и жгла ароматические палочки, потому что никак не могла заставить себя подняться и начать что-либо делать.

На её матрас, в комнату, освещённую луковым светом лампочек-сороковок, падали истошные старческие вопли из квартиры сверху:

— *АЛЛЁ-НА!!! АЛЛЁ-НА!!! ГХДЕ ТАБЛЕТКИ?! ДАААЙ МНЕ ТАБЛЕТКИ, АЛЛЁ-НА!!!*

Потом к этому голосу добавлялись мужской и женский, они смешивались и рождали мелодию:

— *СукаБлядь!*

— *СукаБлядь Нахуй Блядь!*

— *Аллё-на, ёбтвоюмать нахуйблядь!*

Поводом для начала войны послужила брошенная матерью фраза:

«Мне кажется, нам лучше разъехаться», — произнесённая без раздражительности, без презрения и даже без нелюбви, произнесённая холодно, как лёд, и твёрдо, как земля.

Эти слова повисли в воздухе нашей квартиры, и мы постоянно на них натывались: я шёл на кухню заваривать кофе, но внезапно врезался прямо лбом в эти повисшие в воздухе слова, хватался за голову, ронял упаковку, и кофе рассыпался по линолеуму печальной пылью.

Мать стояла у зеркала и красила губы, но где-то в середине нижней губы её рука натывалась на слова, произнесёнными губами, и мать так и замирала у зеркала с недокрашенной наполовину губой, тупо глядя распахнутыми глазами в своё отражение.

Отец уворачивался от её слов как только мог, он то несмело переходил из комнаты в комнату,

в осторожности пригнув голову, то стремительно менял своё местоположение внутри квартиры, но слова ворвались и в него, влетели в оба его уха одновременно и взорвались внутри его головы, как петарда, — в ярости он схватил сигарету и начал тыкать ей везде по своему телу, надеясь выжечь эти слова без остатка, он метался по квартире, как тигр в клетке, а мать в страхе схватила с тумбочки ключи и спрятала себе под юбку, чтобы отец не выбежал на улицу и случайно не вынес туда позор её слов.

— Дима, я приготовила макароны, можешь взять с собой на работу, — говорил мамин матрас папиному дивану.

— Да, спасибо, конечно, возьму, — летело с папиного дивана на мамин матрас.

Но наутро мамины макароны так и оставались нетронутыми, и она выбрасывала их в мусорное ведро, так как высыпать их ему на диван ей не позволяли манеры дипломатического общения.

— Рита, прости, я как-то не взял твои макароны с собой, закрутился и забыл, — цедил вечером сквозь зубы папин диван маминому матрасу.

— Ничего страшного, кажется, макароны были немного недоваренные, — равнодушно отвечал матрас дивану.

Так весь сентябрь происходили их дипломатические межпартийные переговоры о макаронах, гречке, баклажанах и картофельном пюре.

Почему бы вам не выяснить причинно-следственную связь вашего конфликта, не проанали-

зирать свои эмоции по отношению друг к другу, не принять во внимание тот факт, что любовь строится на нескольких уровнях — психологическом, физиологическом, духовном, почему бы вам не попытаться восстановить хотя бы один из этих уровней?

Почему бы вам не объединить свои политические программы, ведь в условиях тотальной глобализации и мультикультурности так сложно сохранить идентичность собственной социальной ячейки?

Может, на худой конец, нам расставить в квартире мебель по фэн-шую, может, папе стоит почитать «Men's Health» и заняться собой, а маме — заказать в интернете пару изданий Натальи Правдиной из серии «Я привлекаю любовь и счастье»?

— Почему вы всё время говорите о какой-то ерунде, почему бы вам не поговорить серьёзно? — я не выдержал и вошёл в кухню к Отцу, где он сидел за ноутбуком, отгороженный от мира пивными бутылками, как пластиковым забором.

Партия Отец посмотрела на меня очень серьёзно, а потом плакатно ударила кулаком по столу.

— Что ты понимаешь во взрослой жизни, что ты лезешь во взрослую жизнь!

Он был твёрд,
как земля.

К концу сентября на нашей кухне произошла целая пищевая реформа — все продукты были заменены полуфабрикатами.

Каждая партия стала жить согласно своей программе, не видя и не замечая, что происходит с беспартийным народом — то есть со мной, ведь они, чтобы не потерять голову от страха и ужаса, притворились глухими, немыми, слепыми и принялись действовать по инерции.

В чижовском зоопарке, где я между сессиями подрабатывал ночным сторожем, чтобы не слушать по ночам крики жильцов сверху и невыносимое гробовое молчание в соседних комнатах, я начал разрабатывать стратегии по примирению враждующих сторон.

На дежурстве я открыл свой дневник и записал название первого стратегического плана —

План №1. «Во имя великого предназначения искусства на земле».

План заключался в том, чтобы я написал современную пьесу для Купаловского театра и пригласил своих родителей на постановку, во время которой они, проникшись величием моего искусства, должны осознать: плод их взаимной любви — я — многожды важнее плодов их обособленных любовей. Правда, Купаловский театр уже три года был на ремонте, а его репертуар до сих пор составляли пьесы преимущественно о польской шляхте и русских крепостных. В случае неудачи с авторитетным Купаловским я был готов обратиться и в другие театры, а главное, верил, что истинное искусство не может быть не оценено.

Пять ночных дежурств в зоопарке было потрачено мной на написание пьесы и восемь —

на её продвижение. Я разослал свои тексты на все и-мэйлы всех белорусских театров, и все ответили, что, к сожалению, сейчас их репертуар перегружен, — но все как один приписали, что я очень талантлив и мне необходимо развивать своей потенциал и не сдаваться.

Сдаваться я и не собирался, тем более что за время моих попыток достигнуть справедливости путём размягчения сердец сокрушительной силой искусства политическая ситуация в квартире изменилась в худшую сторону:

Партия Мать в знак неприятия вражеской Партии Отец практически перестала вербально изъясняться и принимать пищу, а Партия Отец в знак неприятия вражеской Партии Мать принялась изъясняться на повышенных тонах и поглощать алкогольные напитки в неизмеримых количествах.

На очередном дежурстве я открыл дневник и записал название плана № 2.

Он назывался — *«Жить жизнью “Соседей”»*.

В сети супермаркетов «Соседи», которыми, словно оазисами жизни, была усеяна вся Чижовка, я принялся скупать все возможные товары и услуги, которые могли бы создать оазис жизни и в безжизненном пространстве нашей квартиры.

Одно ночное дежурство ушло у меня на изучение нескольких кулинарных сайтов, после чего я отправился в «Соседи», где мной было приобретено:

стейки сёмги, сыр пармезан, зелень укропа, масло растительное, лимон, помидоры черри, чёрный молотый перец — всё это для сёмги, запечённой в духовке, которой в нашей семье с моего рождения никто не пользовался,

а также

одна бутылка рома «Ямайка» и одна бутылка рома «Navana Club» — всё это для коктейля «Карибский кризис», который на одном из сайтов был охарактеризован так:

«Философский коктейль с политическим смыслом. Все компоненты имеют авторское философское значение и увязаны вокруг одного из самых ярких исторических событий — Карибского кризиса, который вошел в историю горечью непонимания и осознанием неотвратимости надвигающегося глобального конфликта. Попробуйте этот коктейль и вспомните историю».

Я надеялся, что праздничная трапеза, приготовленная мной, проложит путь к соединению партий, но Партия Отец радикально отклонила моё предложение совместного ужина и, хлопнув дверью, отправилась в «Pinocchio Pizza».

Партия Мать отказалась также, решив действовать по принципу умеренного подражания врагу, и мне пришлось завернуть сёмгу обратно в фольгу и скормить её обитателям зоопарка, потому что после тотального поражения сам я прикоснуться к ней не мог.

Моей следующей покупкой стали занавески, которые было практически невозможно повесить

в одиночку — нужно было обязательно привлечь вторую партию для помощи,

следующей — шампунь с китайской инструкцией, баночка которого неизвестно по какой системе открывается,

следующей — пачка коричневых папирос, на которой не написано ни названия, ни содержания никотина,

следующей — обувной крем, тюбик которого не отличим от тюбика крема для лица,

— всё было рассчитано на то, что одна из партий, столкнувшись с неизвестным феноменом, не сможет разобраться с ним в одиночку и обратится к другой за помощью, но нет, они то ли умудрились пользоваться всем этим бараклом без консультаций друг друга, то ли не пользовались им совершенно, во всяком случае, на шампунь им было решительно наплевать, Партия Мать в знак забастовки даже стала мыть голову значительно реже, теперь она только изредка расчёсывала волосы перед зеркалом, затягивая их в скучный тугой узел.

Уже теряя надежды на результативность плана № 2, я купил набор ароматических свечей с афродизиаками и перебил все лампочки на лестничной площадке, надеясь, что партии испугаются внезапно обступившей их темноты, зажгут свечки и прижмутся друг к другу перед лицом тьмы и неизвестности, но нет — они сидели в темноте по разным комнатам с подсветкой от мобильных телефонов, они не хотели жить жизнью супер-

маркета «Соседи», а жили жизнью соседей вполне реальных, слушая печальную музыку, тяжёлыми аккордами падающую в нашу квартиру:

— АЛЛЁ-НА!!! АЛЛЁ-НА!!! ГХДЕ ТАБЛЕТКИ?!
ДАААЙ МНЕ ТАБЛЕТКИ!!!

— СукаБлядь!

— СукаБлядь Нахуй Блядь!

— Аллё-на ёбтвоюмать нахуйблядь!

Лучше бы их вражда сразу переросла в третью мировую с ядерными взрывами, дробящими посуду на куски, но нет — все мы были обречены на длительное полумолчаливое противостояние, которому не предвиделось бы конца, если бы 14 октября 2012 г., спустя ровно пятьдесят лет после Карибского кризиса, он не разыгрался и в нашей квартире.

Поводом послужила брошенная Партией Мать фраза:

«Я собираю вещи и вызываю такси»,
произнесённая жарко,
как огонь,
и легко,
как воздух,

перелаamyвающая хребет всем теориям дзэна и умеренным правым политическим программам.

Партия Отец отреагировала незамедлительно, бросив перед противником все арьергарды своей силы — мгновенно он сбил кусок люстры, так что все лампочки-сороковки закачались и начали потрескивать, и, вооружившись этим куском, прошипел побелевшими губами:

*«Если ты выйдешь из этой квартиры, я пере-
режу себе глотку».*

Партия Отец была очень миролюбива и ни за что бы не позволила себе совершить акт насилия по отношению к инакомыслящей партии.

А партия Мать сразу как-то вся обмякла и снова впала в кому, съёжившись до размеров улитки, у которой было только одно желание — ускользнуть в свою ракушку, но единственной ракушкой в этом городе для нас была наша чижовская квартира, разделённая на троих. И всё, что мать смогла сделать, — это укрыться в ванной, заключив с нами предварительное соглашение «Об открытой двери», чтобы Партия Отец могла проконтролировать, не нарушено ли его авторское право на самонанесение телесных повреждений.

Я закрылся в своей комнате и сжал руками виски, у меня не было никакой партийной программы и мне следовало придерживаться нейтралитета до последнего, но тут сверху, словно гильотина, на меня упали эти душераздирающие крики:

*— АЛЛЁ-НА!!! АЛЛЁ-НА!!! ЁБАНЫЙБЛЯДСУ-
КАНАХУЙГДЕ ТАБЛЕТКИ! —*

и я почувствовал, что взорвусь, если сейчас же не встану на сторону любой партии, с которой мы, удвоив нашу силу, сможем подчинить другую партию нашей мироносной программе.

Я выбрал Партию Мать.

Она лежала в ванной в розовой пене, как в розовой краске, полуприкрыв глаза, она была как

подстреленная корова, к молоку которой мы с отцом присосались против её воли.

— Мама, что мы будем делать? — сжав пальцами батарею, сказал я.

У неё дрогнули веки, кажется, она даже немного приоткрыла рот, но все значимые слова, которые поднялись из сердца в её горло, она проглотила усилием воли, и те облегчённо скатились вниз, чтобы не подняться уже больше никогда.

— Костя. Что ты понимаешь во взрослой жизни? (Пауза.) Что ты лезешь во взрослую жизнь?

Она была мягка,
как вода.

Я выбежал из ванной и, зашнуровывая в прихожей ботинки и царапая руки шнурками, видел, как Партия Отец на кухне прикладывается ко всем по очереди ингредиентам коктейля «Карибский кризис» и как невысказанные слова скачут в отцовом теле, вздыбливая мускулы на шее, на спине, на руках, но не находят никакого выхода, и если бы я пытался завербовать в союзники его, а не мать, он швырнул бы в меня первыми вырвавшимися словами, испепелив насквозь,

он был горяч,
как огонь.

Я выбежал вон из квартиры и прыгнул в автобус до чижовского зоопарка.

Отражение моей головы в стекле бесшумно протаранило вывеску «Соседи», пронзилось сотнями оголённых веток и проводов, вместило в себя сотни чужих окон, а потом, когда мы выехали

к Чижовскому водохранилищу, оно целиком заполнилось водой, и на всё отражение моего тела, словно ледяной душ, с шумом полилась вода, обрушивающаяся с дамб.

Я вспоминал все наши чижовские утра.

Партия Мать сидит на матрасе среди тарелок с засохшей едой, в нестиранной ночной рубашке, со своим острым тугим узлом на макушке, и смотрит на мир тупыми невидящими глазами.

Партия Отец играет на кухне в «World of Tanks», пластиковый забор из пивных бутылок; его носки и грязные майки валяются на столике из белого дерева за двести евро.

Она идёт на кухню ставить чайник — он внезапно подскакивает и несётся в ванную.

Она идёт в ванную — он несётся в комнату.

Он заходит в комнату — она идёт на кухню ставить чайник.

Мне кажется, если они случайно соприкоснутся рукавами, её тут же вырвет.

Если она ненарочно его заденет — он её ударит.

Он грохает чайником,

Она осыпает в шкафу вешалки,

Он швыряет на пол ботинки,

Она отрывает раскалённым утюгом лоскут рубашки.

В сторожке я упал на жёсткий диванчик и мгновенно заснул, но сны мои были наполнены саламандрами, которые сидят на матрасе, глядя вокруг тупыми рыбьими глазами, и тиграми, мечущимися по квартире, саламандра лежит в ван-

не, полоща свои складки в пенной жидкости, тигр врывается в ванную и бросается прямо в воду, жидкость в ванне становится розовой, саламандра стоит перед зеркалом, тигры разбрасывают по кухне пластиковые бутылки, потрескивают лампочки, сверху доносятся крики

— утром, после ночи снов, я подумал, что больше не буду разрабатывать никаких стратегических планов по примирению враждующих сторон, и если холодная война перерастёт в горячую, то просто съеду от них, уйду, уйду
легко, как воздух.

А в ноябре всё как-то само собой наладилось.

Сразу несколько причин могло послужить изменению политической обстановки, среди них я выделил климатическую и социальную.

Климатическая заключалась в выпадении снега, в побелевшем пространстве которого военные перепетии почему-то не клеились.

Социальная — сверху на нас наконец-то перестали падать старческие вопли, то ли соседи этажом выше переехали, то ли не знаю что — но прямо над нами стояла такая же снежная тишина, как и за окнами.

Моё игнорирование политической атмосферы в квартире не дало возможности установить истинную причину сближения партий, может, у них появилась какая-то общая экономическая цель, или неизвестная мне внешняя угроза заставила их пойти навстречу друг другу, но внезапно они

сошлись на почве квартирного дизайна и принялись совместно изучать мебельные сайты, тщательно подбирая обои, кафельную плитку, лампы и табуретки для нашей чижовской дыры.

Субботним утром, сидя в своей комнате в долгожданной тишине и долгожданном спокойствии, я чувствовал, что ко мне почему-то не приходит ощущение установившейся идиллии, и внезапно понял: они, как и раньше, не обращают на меня никакого внимания, — а значит, мне нужен новый план, но теперь — по доказательству того, что я — плод их взаимной любви — достоин того, чтобы железный занавес между мной и их обособленной любовью рухнул. Я открыл свой дневник и написал:

«План № 3».

Но в голове было пусто.

В ту же минуту в стену соседней комнаты вонзилась дрель, и мамин голос произнёс:

— Дима, ну где ты сверлишь, возьми левее.

Где-то сверху заплакал ребёнок.

Где-то снизу залаяла собака.

Я подумал и написал:

«Преодоление тишины как фактора политического отчуждения».

Космос

В детстве я мечтала быть астрологом, чтобы целыми днями только и делать, что изучать звёздное небо, а Оля мечтала стать человеком, профессия которого будет называться каким-нибудь эффективным иностранным словом.

Мы выросли, и Олина мечта сбылась во мне: я стала фрилансером, и это звучит очень эффективно,

а моя мечта в Оле не сбылась — Оля не стала астрологом,

вместо этого она выучила белорусский язык и пошла работать в ресторан «Камяніца» официанткой, где за знание белорусского языка доплачивают 200 тысяч, а за безукоризненную вежливость — 600. Итак, 200 тысяч — вот цена Олиного знания белорусского языка.

Все семь дней в неделю мы живём, как ненормальные люди.

— Нет, ну она нормальный человек, ну скажи? Ну разве это нормально? — говорит Оля в пятницу вечером своему жениху, перевесившись в кафе через весь стол и пытаясь перекричать грохот музыки. — Она никуда не выходит из своей комнаты, она только сидит за ноутбуком или лежит в одеяле. Её помидоры неделями гниют в холодильнике, вся её еда покрывается плесенью, её купленные свитера так и висят в шкафу с ярлыками и этикет-

ками, её проездные теряют срок годности раньше, чем она успевает ими воспользоваться!

— Нет, ну она нормальный человек, ну скажи? Ну разве это нормально? — кричу я бабушке в телефон. — Она говорит о том, что у неё шелушатся пятки и ей нужен крем против шелушения пяток, о том, как правильно варить яйцо — она двенадцать минут говорит о том, как правильно варить яйцо! Я спрашиваю у неё: «Оля, зачем ты вообще живёшь? У тебя есть хоть какая-нибудь цель?», а она мне отвечает, что её цель — заработать на жемчужные серёжки! Цель её жизни — жемчужные серёжки! Она точно не жива, она — машина, она точит свои ногти у маникюрщиц, крутит свои волосы в парикмахерской, чинит свои каблуки в обувной, она вся сделана другими людьми, иногда я протягиваю руку, чтобы её потрогать, чтобы убедиться, что она есть на самом деле, я говорю:

— Оля!

Она говорит:

— Что?

Я говорю:

— Поговори со мной!

Она смеётся и уходит, она ничего не говорит и уходит, она говорит: «Мне некогда», она говорит: «Ты хочешь меня упрекнуть в том, что я с тобой не разговариваю?», она говорит: «Ну, говорю».

На самом деле этого я, конечно, не скажу бабушке никогда.

— Бабушка? Привет. Да, всё хорошо. Очень хорошо. Нет, мне не нужно далеко ездить, я фрилансер. Копирайтер. Рерайтер. Бабушка, это очень сложно объяснить.

Все семь дней в неделю Оля живет так, как будто уже давно находится в коме, но в пятницу вечером из-под её каблуков летят искры.

Когда я вижу её пятничным вечером в духах от «Кристиан Диор» и во всей этой красотище с маникюрами, я думаю:

и это — Оля, эта роскошная женщина — Оля, и это она покупала мне носки, лазила со мной в детстве через забор подбирать бабушкины груши и доедала за мной яичный белок из яйца, в котором я съедаю только желток, и это она — моя сестра, какая же она всё-таки красивая.

Одиннадцать месяцев в году Оля живёт рядом со мной так, как будто уже давно находится в коме, но на один месяц она выпадает из моей жизни вообще.

Это — месяц её отпуска.

Ночь, из каждого приёмника в каждой квартире, в каждом автомобиле — одно и то же:

— *Погода в Минске +34 днём, +28 ночью, без осадков, в окне — страшная июльская жара, под окном — орут в ночи дети и пьяные голоса, орут коты, орут кузнечики, стрекот кузнечиков перекрывает даже грохот колёс поезда на железной*

дороге, спать невыносимо. Я — поперёк кровати, словно поперёк Вселенной, и в моё окно заглядывает кусок звёздного неба — кусок космоса в крошках звёзд. Я тоскую по космосу, я протягиваю к нему руки, но упираюсь ими в стекло. Так что же ты, космос, — выдумка наших голов, иллюзия, вечно висящая над нашими головами, выдумавшими тебя? Почему бы тебе не стать реальным, как моя сестра, которая сидит за стеной от меня, на кухне, на табуретке? Она — настоящая, потому что я слышу, как её рука нажимает на кнопки телевизионного пульта, я слышу, как её рука кладёт пульт на стол — и раздаётся глухой стук, я слышу, как она принимается расчёсывать свои руки до крови, потому что страдает от нейродермита, а потом запускает руку в волосы и принимается чесать свою голову, и звук от чесания её головы перекрывает даже стрекот кузнечиков! А ты, космос, как можешь быть настоящим, когда ты абсолютно безмолвен и не способен породить ни единого звука — пусть это даже будет не песня, не слово, не смех, не шум, а звук от чесания головы!

Я хочу сказать Маяковскому, что звёзды — это всё-таки не жемчужины, а плевки в лицо космосу за его невыносимое безмолвие.

Я приподнимаюсь и пытаюсь плюнуть в лицо космосу через открытое окно, но запутываюсь в простыне и падаю с кровати.

Сестра, услышав грохот, мчится и распахивает дверь в мою комнату, а я сижу на полу

и перебираю руками свои пальцы на ногах, как чётки, — каждый из них обёрнут бумажной лейкопластыря, чтобы не чувствовались мозоли, которые появляются всякий раз, как я выхожу из дома.

Оля научила меня, что по-белорусски они называются: пянцюх, спаказны, сярэдні, пярсяцк, мезенік.

— Да на тебе шкура горит! — говорит Оля, хотя шкура ещё не горит, но капельки пота на ней словно бензин, к которому достаточно поднести спичку, чтобы она действительно вспыхнула.

— Завтра я уезжаю, — говорит Оля и хлопает дверью.

Я остаюсь безмолвна, как космос, а когда она выходит, беру со стола бутылку, раскручиваю пробку и выливаю себе на голову пятьсот миллилитров «БелаКолы» — напиток со вкусом свободы, кока-колы белорусского производства со вкусом свободы белорусского производства.

Остаться в квартире без Оли — свобода нашего семейного производства.

Когда Оля уехала, я осталась наедине со всеми этими кухонными приборами:

рондаль, імбрык, патэльня — Оля научила меня, что так все они называются по-белорусски, но кроме названий я не знала о них ничего, и помидоры гнили в моём холодильнике,

а я всё равно была совершенно счастлива, оставшись одна, и могла бы вообще не выходить из своей комнаты, переползая от ноутбука к подоконнику со звёздным небом и обратно, но

мне мешали ежесекундные звонки в домофон от Олиных знакомых.

— А Оля дома?

— Нет, её нет дома.

Скоро я перестала подходить к домофону и привыкла к его музыке, как к грохоту орущих кузнечиков и поезда по рельсам.

Я открыла дверь только один раз, ко мне зашёл Олин жених,

он попросил чаю — и я налила ему чаю,

он попросил кофе — я налила ему кофе,

потом он попытался засунуть свой язык мне в рот, но у него ничего не получилось,

я сказала:

— Оли нет дома, — и вытолкала его за дверь.

Он позвонил мне на мобильный, я сказала:

— Мне нужно работать, —

и пошла работать.

Я работала на сайте установления навыков общения на английском, беседуя с незнакомцами он-лайн каждый день по шесть часов.

В моём обиходе было 4 стандартных топика: «Семья», «Путешествия», «Здоровый образ жизни», «Расскажи о себе».

Шесть часов в день я жила так, как будто уже давно находилась в коме.

- How do you do?
- I'm fine. Thank you.

Или:

- What is your favourite colour?
- Blue (мне кажется, на самом деле мой любимый — цвет Олиного свитера, в котором она в детстве таскала меня по парку).

- Have you ever been to other countries?
- Oh, yeah! I have been to Italy, it was last year (о, за последние пять лет я натёрла одиннадцать мозолей на десяти пальцах).

- Have you got a sister or a brother?
- Yes, I have. I have a sister.
- What's about your sister?
- Она самая обыкновенная девица которая даже в магазин выходит на каблуках, всю неделю вкалывает, напивается в пятницу вечером со своим женихом и мечтает о жемчужных серёжках. Впрочем, сейчас мне без неё одиноко и приходится жарить полуфабрикаты.

Кажется, я это так и написала, и прямо на русском, я же не знала, что мой собеседник — снова Олин жених.

— Тебе там внутри не одиноко? — спросил он.

— Нет, у меня есть рыбки, фанты и вечером я пью шампанское на кухне на табуретке.

— Открой мне дверь, у меня уже болят пальцы нажимать на кнопки домофона.

— У меня болят глаза тебя читать, — сказала я и вместо двери открыла словарь и удостоверилась, что английских ругательств всего четыре.

Я написала ему:

— Fuck damn hell suck Fuck,

— и закрыла диалоговое окно.

Мне стало страшно одиноко.

— Алё, бабушка.

Со дня Олиного отъезда я звоню бабушке каждый день, а она каждый день начинает разговор с одной и той же фразы:

— Даша? Оля не звонила? Как только она выехала, я легла на диван и молилась! Только бы она доехала, Египет, там же перестрелки! <...>

Бабушка начинает молиться всякий раз, как только кто-то из нас выходит из дома, даже если нам нужно выйти в соседний магазин.

— Алё, бабушка.

— Даша? Оля не звонила? Как только она выехала, я легла на диван <...>

— Бабушка, с Олей всё в порядке, только нужно выслать ей немного денег.

Я добавила:

— Это очень сложно объяснить.

Но она разобрала каждое моё слово, и через полчаса я получила денежный перевод, добавила к нему все свои снятые с карточки наличные и пошла в ювелирный за проклятыми жемчужными серёжками.

Я положила коробочку с ними на кухонный стол,

выбросила все гнилые помидоры,

я наклеила всюду стикеры со словами:

*Я люблю тебя Оля я люблю тебя Оля я ску-
чаю по тебе Оля ради тебя я выбросила все гни-
лые помидоры я схожу с ума в этой квартире
без тебя когда ты вернёшься да возможно я бы-
ла не права да пропади он этот космос это ты
живее чем я это я живу словно в коме давным-
давно*

Наутро я, конечно, устыдилась и сняла их.

Через два дня она вошла в квартиру, взяла со стола серёжки и, щёлкая их замками на своих мочках, сказала:

— О, мой жених наконец-то догадался купить мне серёжки! Фу, как у нас пыльно! Повсюду грязь. Как можно так долго не убираться! Даша! Иди сюда, я привезла тебе магнитик с турецким флагом и коньяк!

Моё новое звёздное небо — пять звёзд на этикетке коньячной бутылки и полумесяц турецкого флага.

Я сказала:

— Повесь магнитик на холодильник.

Капитан

Есть много вещей, которые у меня не получается сфотографировать.

У меня не получается сфотографировать гиперактивные движения ребёнка, который подставляет ладошки под струю фонтана и тут же отпрыгивает, волчком крутится на одном месте, снова подставляет руки воде,

у меня не получается сфотографировать лихорадочное кружение цветов каштана в воздухе, их стремительное падение и скольжение по глади асфальта,

у меня не получается сфотографировать, как кот стремительно взбирается на голову бронзового бюста Владимира Ленина посреди старой аллеи, по бокам которой тянутся два ряда старых до-reволюционных домов с облупившейся краской, и так же стремительно спрыгивает с бронзовой головы на плечо, а потом прячется за бюст — и остаётся только чёрный пушистый хвост, выглядывающий из-за бюста.

Все эти объекты движутся так быстро и приводят меня в такое эмоциональное возбуждение, что камера принимается бестолково трястись в моих руках и щёлкает кадры впустую, делая абсолютно мёртвые снимки.

Смятение — вот что остаётся у меня от вида проявленных фотографий, пачку которых вручает мне девушка из «Fujifilm», и с этим смятением

внутри и фотографиями в руке я шатаюсь туда-сюда по Немиге, не зная, как мне от них избавиться.

Есть много вещей, которые наверняка должны быть сфотографированы, но сфотографировать которые я никогда не смог бы.

Изуродованные нищие с протянутыми руками, сидящие в арке под изображением Божьей Матери, болезненные старики, трясущимися руками сжимающие поручни в автобусе, женщины, пропахшие мочой и старыми тряпками, женщины с синими и красными кругами под глазами, писающие посреди газона, — у меня никогда не хватило бы смелости навести на них объектив фотокамеры, поэтому снимков этих людей у меня нет и не было, а значит — их как будто не существует.

Раньше я думал, что лучше всего получается снимать те объекты, к которым ты испытываешь чувство любви, но это тоже оказалось не совсем верной теорией: я часто делаю Анины снимки, но на них она всегда выходит хуже, чем в действительности — ничто из того, что я люблю в ней, фотография не показывает. Но я стараюсь поймать это неуловимое что-то, навожу на неё фотоаппарат и говорю:

— Аня, посмотри на меня, — и щёлкаю затвором.

Камера запечатлевает её удивлённое, немного вытянутое лицо, слегка приподнятые брови и расширенные глаза — никому, кроме меня, это удивление не заметно.

Аня влюблена в капитана, который плавает по неизвестным морям и океанам, по её словам, он мужественный и отважный, значит, так оно и есть.

— Аня, — говорю я как-то.

Мы стоим на переходном мосту на Немиге, с утра была гроза, из-под колёс проезжающих машин летят металлические струи воды, всё серое, мокрое и зелёное — листья на деревьях начинают распускаться с фантастической скоростью. Аня стоит, оперевшись на поручень, жуёт сухомятку длинный французский батон, сама откусывает от целого, а мне отламывает куски и кладёт в ладонь.

— Аня, — говорю я. — Капитан испытывает смятение?

— Смятение? Конечно, нет! Ведь он же капитан. Конечно, капитан не испытывает смятения.

Но я испытываю смятение постоянно.

Мы сидим с Аней под мостом и болтаем ногами над Свислочью, она — в лаковых туфлях, кормит батонком уток. Я невыразительно читаю Ане своё стихотворение:

Я читаю новостную ленту

Я читаю новостную ленту

*Фетеп сказали Иди на хер своему президенту,
в Пинске в первых днях апреля расцвела облепиха,
в зоопарке погиб олень и родила слониха,
в Копыси отец и сын не поделили жилплощадь
и сошлись на ножах,*

*апазіцыйныя крыніцы асвятляюць
унутрыдзяржаўны таталітарны жах,
lady tut.by знают, какие балетки модные
в этом сезоне,
Таня Петрова (имя изменено) выбросила ребёнка
в окно и оказалась на зоне*

Аня смеется.

Глядя на нее, я понимаю, что никогда не стану таким, как капитан.

Я стою возле зеркала и рассматриваю своё тело, оно молодо и хорошо, даже странно, почему при этой молодости и красоте его существование ограничено вялыми перемещениями из одной бетонной коробки в другую, когда оно могло бы стоять у штурвала корабля и сражаться с морскими бурями.

Мама кричит мне из кухни:

— Тётя Даша вот всё спрашивает, когда уже ваш Костя женится. Говорит: что он себе думает?

Что я себе думаю? Я должен сделать Ане предложение, но в Ане прочно засел капитан — а если бы капитана не было, смог ли бы я полюбить ее?

Смятение. Мы в бутике вроде «Mango» — или с каким-то похожим названием, Аня бросает мне в руки стопку разноцветных платьев, мы поднимаемся на эскалаторе — она выше, я ниже, упираюсь лбом в её туго стянутый хвост.

Я чувствую смятение от яркости цветов, громкой музыки, мёртвых женщин-манекенов — этих

кукол с грустными стеклянными глазами. Аня смятения не чувствует, она любит вещи и знает, как управлять их хаосом, поэтому по магазинам мы ходим вместе — мне не так одиноко, ей не так утомительно. Практически одно и то же.

Но сегодня смятение достигло во мне грани отчаяния и переплавилось в решимость, кроме ходячей вешалки, я чувствую в себе присутствие того человека, которого видел утром перед зеркалом, и этот человек наконец произносит:

— Аня, — произносит он ей прямо в хвост. — Капитан вообще когда-нибудь прибудет из рейса? Когда он вообще окажется на суше?

Она не двигается ещё три ступеньки до подъёма, а потом резко разворачивается — лицо в лицо.

— Он уехал надолго. Я не знаю, когда он вернётся.

Она ныряет в примерочную и там яростно начинает срывать с себя одежду — колышется занавеска, — а потом не выходит показывать мне свои платья, как обычно это делает, — оставляет меня одного с этим хаосом бутика, где я всегда чувствую себя потерянным. С чего я взял, что если сделаю Ане предложение, то она его примет?

Аня выпрашивает у меня фотоаппарат, и я не могу отказать ей.

— Да, конечно, бери, — говорю я, — только будь осторожна.

На следующий день она пытается сфотографировать дерево, не зная о том, что оно находится

прямо рядом с каким-то правительственным зданием, к ней подбегает охранник, ведет ее внутрь здания, где выписывает штраф и заносит ее паспортные данные в электронную систему.

— Но ведь я же не знала, там даже нет никакой таблички о том, что снимать запрещено! — слабо сопротивляется Аня.

— Незнание закона не освобождает от ответственности! Слышали такое? — пафосно повторяет охранник. — Незнание закона не освобождает от ответственности!

Мы сидим на ночной открытой террасе среди позвякивания столовых приборов, фотоаппарат с засвеченной плёнкой лежит на ажурной скатерти, мимо нас, медленно шурша колёсами по узкой каменистой дороге и сверкая фарами, разворачиваются машины.

Аня, маленькая как никогда, вялая и измотанная, с облупившимся лаком на ногтях, зло пьёт из пластиковой бутылки, затягивается сигаретой, поворачивает голову то влево, то вправо, только бы не попасть в меня взглядом.

Я рисую на салфетке кораблик и море — где-то его волны рассекает капитан, мужественный и отчаянный, способный защитить Аню ото всяких неприятностей вроде сегодняшних.

— Что ты там рисуешь? — внезапно она выбрасывает свою руку через весь стол, но я успеваю с силой смять салфетку раньше, чем она до неё

дотягивается, и её рука бесполезно хватает мой крепко сжатый кулак.

Вспыхивают огни, где-то рядом раздаётся грохот тамтама, напротив — расширенные Анины зрачки, её рука, бессильно повисшая на моём кулаке, мы сидим — тонкие, выносливые, молодые дышащие тела, окружённые листьями, темнотой и огнями — двое в одной шляпке, бороздящей сушу.

Секта

Мы организовали первую в Беларуси
антипотребительскую секту.
В ней было всего два человека:
ты
и я.
Мы врывались в бары и рестораны и ломали
обеденные столы,
мы танцевали ламбаду голыми ступнями
на скользких картошках,
мы бросались в супермаркеты с головой,
как в омут,
и плыли по стеллажам, рассекая руками волны
товаров, —
мы были сами непристойными покупателями
и самыми быстрыми пловцами в мире.
Наша секта процветала,
хоть её члены,
согласно мнению социологов,
являлись нравственно неустойчивыми
элементами и не могли долгое время сохранять
приверженность своей идее.
Но мы держались как могли.
Мы питались одной только горькой коркой луны,
носили недоношенную американскую одежду
и сочиняли антипотребительские песни:

*Я хочу воспеть сотни кукурузных и хлебных
полей,
и бледный серп луны,
и зонтики борщевика,
и колючки каждого ежа, найденного на дороге,
я хочу воспеть заводские трубы и подъёмные
краны,
яблони в каждом дворе, глухой стук от падения
яблок на землю,
стога сена, обёрнутые белой клеёнкой
и расставленные по полям, как шахматные
фигуры.*

Процент нашей популярности стремительно рос,
и нам пришлось разделиться,
ведь это способствовало расширению наших
идей по всей территории Беларуси.
Ты уехал в Минск.
Я осталась в Бресте.
Как только я осталась одна, на меня обрушился
шквал электронных писем из всевозможных сект.
Эти подонки пытались завербовать меня в свои
религии, но я не поддавалась.
Они приезжали изо всех уголков Беларуси,
совали мне брошюры со своими телефонными
номерами,
пытались затащить в рестораны на деловые
переговоры,
привозили в мою квартиру кучи хлама
из супермаркетов прямо в тележках —

в тележках, в которые мы когда-то прыгали
с тобой с разбегу, как в лодки,
а потом плыли среди стеллажей «Евроопта»,
как самые настоящие спасатели, спешащие
на помощь утопающим в хламе вещей.
Вражеские секты имели широкие
и разветвлённые системы, охватывающие все
страны мира.
А связь между членами нашей секты, как назло,
дестабилизировалась.
Хоть мы всё предусмотрели — интернет,
телефон, почта —
всё равно перебои возникли. Перебои:
от тебя ни одного сигнала в течение полугода.
Горькая корка луны висела в моём окне,
и филиал нашей секты в лице меня окончательно
прогорел под её светом.
Статистика социологов оправдалась —
но я не собиралась её подтвердить,
я села в поезд и твёрдо решила снова объединить
членов нашей тайной организации,
чтобы нанести сокрушительный удар
конкурентам.
Я даже была готова к тому, чтобы встретить тебя
в каком-нибудь баре,
в тоске потребляющего текилу,
выслушивающего тезисы пропагандистского
манифеста какой-нибудь инакомыслящей
сектантки,
но я исходила весь Минск пять раз поперёк
и вдоль

и не встретила тебя нигде.

Социологи предположили: наши идеи оказались столь прогрессивны, что ты уехал на Запад, чтобы начать вербовать иностранцев и выйти на международный уровень.

Ну, слава Богу!

Потому что брестский филиал прогорел, не завербовав ни единого человека.

Я поняла это, когда сама нарушила все основополагающие тезисы нашей молодой организации —

я ехала в поезде «Минск-Брест», забравшись с ногами на мусорную коробку прямо напротив туалета,

и наматывала обжигаящий «Роллтон» из пластикового стакана на бумажную вилку.

Я дула на вилку изо всех сил, но во рту всё равно было так горячо,

что слёзы градом катились по моим щекам.

Это были слёзы триумфа потребления.

Но я помнила всё — всё, что мы

пропагандировали,

я прижималась к оконному стеклу и пела лугам и рекам нашу антипотребительскую песню:

*Я хочу воспеть сотни кукурузных и хлебных
полей,*

и бледный серп луны,

и зонтики борщевика,

и колючки каждого ежа, найденного на дороге,

я хочу воспеть заводские трубы и подъёмные краны,

яблони в каждом дворе, глухой стук от падения
яблок на землю,
стога сена, обёрнутые белой клеёнкой
и расставленные по полям, как шахматные
фигуры.

Содержание

Дорогие радиослушатели	3
Война.....	11
Космос.....	25
Капитан	35
Секта	42

Лапто Маша

Сплошная среда

Редактор Павел Антипов
Компьютерный дизайн, верстка Юлии Андреевой
Дизайн обложки Nick Antipov, Татьяна Сиплевич
Иллюстрация Александра Бакуновича,
Дмитрия Перскевича
Корректор Алена Пятрович

Logvino Literatūros namai
J. Savickio 4, LT-01108 Vilnius

Напечатано в ЧТУП «Логвінаў»
пр-т Независимости, 37а, Минск. Заказ №